

Н. К. Михайловский

Из литературных и журнальных заметок 1874 года

Н. К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания.

Серия "История эстетики в памятниках и документах"

М., "Искусство", 1995

Scan [ImWerden](#)

OCR [Бычков М. Н.](#)

"Московские ведомости"¹ об опере г. Мусоргского "Борис Годунов".-- "Наше общество в героях и героинях литературы" М. В. Авдеева.-- Рудины и люди шестидесятых годов.-- Что случилось? -- Разночинец пришел.-- Из биографии О. М. Решетникова.

<...> Но в то время, как я писал о Щербине, я прочитал No 46 "Московских ведомостей", из которого усмотрел, что еще долго и долго азбука у нас будет делом не лишним. В этом No почтенной московской газеты напечатано второе "музыкальное письмо из Петербурга" г. Лароша. Дело идет об опере г. Мусоргского "Борис Годунов". Я не знаю этой оперы, о музыке вообще понятия имею весьма слабые, с новой русской музыкальной школой, к которой принадлежит г. Мусоргский, незнаком, можно сказать, вовсе. Но петербургская корреспонденция московской газеты высказывает некоторые положения об искусстве, в такой мере общие, что и профан в музыке может оценить их по достоинству. Автор "музыкального письма" находит в авторе "Бориса Годунова" некоторый талант, много смелости, очень мало музыкального образования и проч. Затем автор сравнивает новую оперу с некоторыми литературными явлениями и наконец говорит: "Будучи реалистом в том смысле, который это слово приобрело у нас в России в новейшее время, г. Мусоргский разделяет, по-видимому, симпатии реальной школы к бедному люду, к его горемычной жизни, к его нравам и языку. "Борис Годунов" реального композитора представляет, как мы видели, несколько народных сцен; они первоначально вдохновлены Пушкиным, но фантазия поэта-музыканта разрисовала их по-своему и с очевидною любовью. Но гораздо более это влечение к бедняку рисуется в заключительных строчках драматической поэмы, которые словно резюмируют ее внутреннее содержание, словно дают ключ к ее разгадке:

Лейтесь, лейтесь, слезы горькие.
Плачь, душа православная!
Скоро враг придет, и настанет тьма,
Темень темная, непроглядная.
Горе, горе Руси,
Плачь, русский люд,
Голодный люд!

(Это поет юродивый, остающийся один на сцене.) Не честолюбие Бориса, не приключения Лжедмитрия, не надменная красота Марины оковали фантазию художника; последнее слово его драмы, последнее впечатление, с которым он выпускает зрителей из залы,-- вопль наболевшего сердца: "Плачь, русский люд, голодный люд!" Хотя только в намеке, но в веском и чувствительном намеке, нам показывают бедствия и страдания народа, пред громадностью которых мельчают и исчезают отдельные исторические фигуры с их судьбой и характерами. Вторжение гражданского плача, столь обыкновенного в русской литературе, в русскую музыку -- явление небывалое; ни Даргомыжский, ни кто-либо из его адептов не думали об этом, и г. Мусоргский сделал положительно новый шаг на пути музыкального реализма. Но у него этот гражданский плач звучит не в первый раз, многие из его романсов, вышедших раньше "Бориса", особенно "Светик Савишна", "Колыбельная Еремушке" и "Сиротка", посвящены изображению "меньшого брата", его сиротской доли, его голода, его смирения и переносимых им унижений и жестокостей. И в романсах слова, наряду с музыкой, нередко принадлежат г. Мусоргскому: он не только находит скорбные мотивы в нашей собственной лирике, но и сам создает их себе, сочиняя тексты, полные гражданских слез².

Какое, однако, удивительное и прекрасное явление пропустил я, прикованный к литературе, но более или менее следящий за разными сторонами духовного развития нашего отечества! В самом деле, музыканты наши до сих пор так много получали от народа, он дал им столько чудных мотивов, что пора